

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ СМИРНОВ,
КАКИМ Я ЕГО ПОМНЮ

В. А. БАЖАНОВ

Abstract. Vladimir Aleksandrovich Smirnov was a reputed pedagogue, historian and philosopher of logic with a strong interest in the methodology of science. Smirnov, who served on the author's doctoral dissertation committee, and with whom he worked since 1981, is remembered principally as a teacher and historian and philosopher of logic. From the standpoint of the author Smirnov's fundamental contribution was the re-discovery and dissemination of the work of turn-of-the-century Kazan logician N. A. Vasil'ev, in particular of Vasil'ev's development of non-classical logic. Smirnov was also an original logician who worked in proof theory, especially applying to proof theory the insights which he gleaned from his study of Vasil'ev and which he in turn further developed as formal systems.

The author writes about "Vladimir Aleksandrovich Smirnov, as I remember him". It was Smirnov who developed the author's interest in Vasil'ev's work in logic, and the author gives a personalized account of Smirnov's influence on the direction of his own work in history of logic, of the collegial and professional relations which he developed with Smirnov, and of Smirnov as a scholar. Personally, Smirnov was an open, benevolent individual.

Есть люди, которые создают вокруг себя то, что принято называть, «положительной аурой», к которым тянутся, которых уважают не в силу их служебного положения, а в силу их авторитета и исключительной доброжелательности. Владимир Александрович принадлежал к разряду таких людей. Он был одним из тех, кто благодаря интенсивному самообразованию и яркому таланту начал трудный процесс вытаскивания советской философии из болота марксистского примитивизма, самоизоляции и самодовольства и преуспел в этом: под конец своей, увы, не столь уж продолжительной жизни В.А. являлся всемирно известным и признанным логиком, философом, по его

работам судили об уровне отечественных логических исследований.

Талант В.А. раскрылся рано. Едва ли не с исходной точки своего пути в логике и философии из под пера В.А. выходили не просто интересные или профессионально грамотные труды, а работы весьма оригинальные и часто закладывающие основы перспективных исследований, которые могли быть и были подхвачены научным сообществом и учениками.

Когда я во второй половине 1970-х годов впервые услышал, а чуть позже и познакомился с В.А., он был одним из самых авторитетных советских философов. Его репутация для меня, в то время аспиранта, находилась где-то заоблачных высотах. Автор основополагающей статьи о моем земляке, казанце, выдающемся логике Н. А. Васильеве, автор серии блестящих работ по логике и методологии науке, профессор Института философии Академии наук СССР, кафедры логики МГУ, ученый, выступающий с глубокими, четко выстроенными и яркими докладами, к мнению которого прислушиваются даже, так сказать, официальные «мэтры» — советские философы-академики, — все это заставляло смотреть на В.А. как на одного из ведущих советских философов и уж тем паче — логиков. Впрочем, как показывает история, он и был таким. А между тем В.А. никогда и ни с кем не показывал своего превосходства. Кто бы к нему не подходил, не обращался, со всеми он был прост, ко всем открыт, ко всем исключительно доброжелателен.

Тесное сотрудничество с В.А. у меня с мая 1981 года, когда на Первом Всесоюзном совещании по преподаванию логики в высшей школе мы сидели вместе (с нами, помнится была еще Н. Я. Куртнина), говорили, в частности, о Н. А. Васильеве и В.А. попросил меня посмотреть в Казанских архивах не осталось ли что-то от его наследия. Он мне сказал, что поиски уже велись академиком А. И. Мальцевым и казанским профессором В. В. Морозовым, но безрезультатно, но, быть может, все-таки что-то осталось у родственников, знакомых.

Прошел еще год-полтора, когда, наконец, я смог приступить к выполнению просьбы В.А. (занимаясь методологией квантовой теории и математики я был не столь уж близок к сфере логики

и тем более истории логики). Поиски, однако, меня увлекли, и достаточно скоро я обнаружил два доселе неизвестных рукописных Отчета Н. А. Васильева, а затем и остатки архива семьи Васильевых. Вот тогда-то у нас С. В.А. началась интенсивная переписка, когда же я приезжал в Москвы, мы встречались, обсуждали содержание найденных материалов, обговаривали дальнейший ход поисков (ведь фотографии Н. А. Васильева так поначалу и не удавалось разыскать.) Неоднократно я приглашался с гостеприимный дом Смирновых на Гоголевском бульваре, где В.А. показывал мне издания, в которых затрагивалась «васильевская» тема. Он горел желанием издать сборник логических трудов Н. А. Васильева.

Не так уж было просто мне получить разрешение на копирование рукописей Отчетов Н. А. Васильева, сфотографировать их, более или менее качественно распечатать. Л. С. Савельева по просьбе В.А. тщательно перепечатывала их, разбираясь в сильно уменьшенном на фотографиях почерке Н. А. Васильева.

Тем временем я продолжал поиски, были обнаружены фотографии Н. А. Васильева. Можно было думать о написании научной биографии Н. А. Васильева и выпуске сборника его логических работ. В.А. предложил структуру сборника, я написал для него биографический очерк и приступил к работе над достаточно объемной научной биографией Н. А. Васильева, которая была опубликована в издательстве «Наука» в 1988 году, а «Воображаемая логика» под редакцией В.А. год спустя. Еще раньше, в 1987 году на Конгрессе по логике, методологии и философии науки В. А. Смирнов сделал подпробный доклад, посвященный анализу воображаемой логике Васильева. Имя Н. А. Васильева и его логика, таким образом, прочно вошли в «обиход» мирового логического сообщества.

Любопытно, что, отдавая должное заслугам и гению Васильева, В.А. упорно отказывался признавать (как это делали Дж. Клайн или Н. Ришер) его одним из предтеч многозначной логики. В.А. настаивал, что в идеях Васильева содержатся предпосылки особой — многомерной — логики.

В.А. многократно размышлял над идеями Васильева, интерпретировал эти идеи и строил логические системы, как бы

отталкиваясь от замыслов Васильева. Собственно уже в своей первой статье 1962 г. В. А. Смирнов не просто предложил понимание и формализацию логике Васильева, но и внес свои оригинальные идеи, которые западными учеными иногда воспринимались как принадлежащие самому Васильеву (по свидетельству Н. да Косты). В.А. воспринимал это обстоятельство как своего рода исторический курьез и говорил о нем с иронией человека, который богат собственными идеями и готов поделиться ими с друзьями.

Васильевские мотивы в творческом наследии В. А. Смирнова привели к формулировке, например, комбинированных и многомерных логике, стимулировали его работы по паранепротиворечивой логике.

В 1988 году В.А. выступил оппонентом мое догкорской диссертации. Он высказал тогда убеждение, что такой феномен русской мысли как университетская философия должна явиться предметом серьезных исследований. Бум, связанный с интересом к истории русской философии, еще только-только намечался. Впрочем, университетскую философию он почти еще коснулся до сих пор.

Периодически мы продолжали встречаться в Институте философии, на конференциях, В.А. щедро делился своими идеями, планами . . . .

Последний раз мы много общались с ним на Конгрессе по логике, методологии и философии науки во Флоренции в августе 1995 года. Вместе с ним, Е. Д. Смирновой и Е. А. Мамчур провели день в Риме, ездили смотреть Ватикан, собор святого Петра.

В.А. уже болел. Врачи ему не советовали ехать, но В.А. не показывал, что ему тяжело, разве что Елена Дмитриевна просила не подавать В.А. острую пищу.

В Москву мы возвращались одним самолетом, сидели рядом (с нами был еще А. С. Карпенко). В.А. как-то обмолвился, что, вот, предстоит показаться врачам. Все понимали, что В.А. достаточно тяжело болен, но никто не предполагал, что он уйдет от нас через полгода, оставив плеяду учеников, последователей — то, что может быть по праву названо «школой Смирнова». Эта школа — вовсе не только московский феномен; ученики В.А.

работают едва ли не во всех более или менее крупных университетах, находящихся на территории бывшего СССР.

В.А. оставали такое духовное наследие, которое позволяет считать его крупнейшим отечественным логиком и философом второй половины XX века.